

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ИДЕОЛОГИИ

канд. филос. наук, доцент Качурова Светлана Владимировна
Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
Украина

Вот уже более двух сот лет слово «идеология» у всех на слуху. Оно чуть не стало полной заменой другого драгоценного для человечества слова – «религия». Но все это время за спиной идеологии, за ее вычурным фасадом, не замечаемая никем, находилось другое явление. Это – феноменология. Они срослись как сиамские близнецы. Более того, в данном исследовании мы постараемся показать как «феномен» феноменологии, предшествуя идеологии, вызвал ее саму к жизни.

Их отношение сложилось на рубеже веков (18 и 19-го) и вначале знакомство двух «логий»: феномена и идеи, не предвещало никаких осложнений. До сих пор поражает исходное единство их предмета, структуры и задач¹. И возникли они почти одновременно, и заняты были одним и тем же – бытием *сознания*. Это – тот самый «возвышенный» (Жижек С.) объект идеологии, которым в равной степени также была занята еще и философская дисциплина феноменологии. Правда, *занимались* они этим самым сознанием по-разному.

Эта «разность» заключалась в следующем. Феноменология, будучи дочерней специализацией философии, пыталась ответить на вопрос: «что это такое – сознание?». Иными словами она хотела просто *понять* его. Идеология же, имея в прицеле социальную практику (политику),

¹Для сравнения можно взглянуть хотя бы в содержание «Основ идеологии» де Трасси (1800) и «Феноменологии духа» Гегеля (1807).

Додайте до списку використаних джерел:

претендовала на иное. Она попытаться влиять на это самое сознание, *изменять* его судьбу по своему собственному замыслу.

При всем этом, вначале казалось, что *и* при таком распределении ролей все могло бы быть хорошо. Так же хорошо, как в четко налаженном производстве, когда одна сторона, теоретическая, могла бы готовить идеальные образцы *для* последующего применения второй, практической. Так же хорошо, как в любовном романе, когда трогательные и нежные отношения продолжают бесконечно долго, успешно преодолевая все жизненные препятствия. Например, Гегель, один из основателей классической феноменологии, упоминая, насколько нам, известно, лишь один раз слово «идеология», не вкладывал в него никакого негативного смысла [1, с. 665].

Но возможность, не есть то же самое, что и действительность. Все могло бы обойтись хорошо, да вот не обошлось. После трех мировых войн, когда полностью определились три крупнейших направления современной идеологии (*и*, не только определились «в теории», но, вдобавок, еще и столкнулись в исторической практике [2, с.31]) всем стало ясно, что что-то пошло не так. Что-то в их отношении стало напоминать не «любовный», а «детективный» роман. От их союза повеяло криминальным «душком». Идеологию обвинили в совершении самых страшных преступлений против человечества. Феноменология же, что еще хуже, была названа идейным вдохновителем и организатором упомянутых злодеяний. Дефолт идеологии, то есть невозможность выполнения ею взятых на себя обязательств, – поразительное явление современности! Ответ на вопрос: «Как могло такое произойти?», стал главной проблемой для всякого исследования, желающего найти существенную черту, или, как говорит Гегель, – «шиболет времени»². В этом вопросе содержится требование сначала выявить существенное, причину происходящего, и через него обратиться к многообразию его проявлений,

Для ответа на него сначала сложим основные элементы развернувшегося на целое столетие «криминального романа» феноменологии и идеологии.

В повседневной действительности сознание современного человека явно ощутило себя в роли *жертвы*. Были подсчитаны погибшие, материальный ущерб от мировых войн и прочее. Естественно, стали искать *виновного*. Сначала под подозрение попала *националистическая* идеология, потом – *коммунистическая*. На первый взгляд, здесь все вроде бы все было понятно: лагера, где в одних сжигали, а в других до смерти мучили людей.

Ряд указанных идеологий замыкала третья – *либеральная*. Казалось, что она точно уж совсем другая. Казалось, что она-то – вся «белая и пушистая». Но нет. После последних событий конца XX и начала XXI веков, времени, когда по пятам и этой разновидности демократии шли все та же разруха, голод и смерть, и в ней засомневались. С сожалением стали констатировать, что либеральное государство на международной арене может быть таким же хищником без всяких нравственных устоев, как и фашистская – на

² Тогда он эту черту видел в ином. Шиболет времени составляет, по его мнению, «глубокая противоположность между философией и религией» [3, с. 231].

национальной, или коммунистическая – на классовой. То есть, вдруг обнаружилось, что она точно такая же тоталитарная как две другие, только имеет несколько другой характер. И все. В интеллектуальной сфере об этом, например, свидетельствует прошлогодний скандал в связи с опубликованием в авторитетных либеральных журналах статей с заведомо абсурдными выводами, льстящих этой форме идеологии [4]. Таким образом, и по отношению к этой разновидности ложного сознания стало ясно, что ее так же ожидает как минимум «возбуждение уголовного дела».

Все сложилось. Картина в целом была бы полна, только отсутствовал один элемент. Для полноты целого, естественно, не хватало последнего фигуранта. Жертва есть. Подозреваемый есть. Нужен *детектив*. Последний, для того, чтобы достигнуть успеха, должен уметь (и это уже сто раз говорено) мыслить как преступник. Закономерно возникает вопрос: Что же есть то, что мыслит *как* идеология?

Нам, людям, вообще свойственно мыслить. Мы мыслим то, да се, пятое-десятое: горы, реки, богов и деревья. Но, ничто из всего этого, не есть «для себя». Ни одно из них не «о-со-знает» себя. Все есть только «для нас», для нашего сознания. Да, говорит Гегель, наше сознание предполагает их (этих вещей) нечто «в себе» (сущность»). Но, к сожалению, и в данном случае это «для себя», суть все равно «для нас» (явление). Отсюда трансцендентализм Канта.

Но есть исключительный случай. Только тогда, когда мы мыслим не «пятое-десятое», а *другое* сознание, которое *так же* суть «для себя», мы мыслим *феноменологически*. Тогда и только тогда мы мыслим *почти* так же, как идеология. «Почти», что очень важно, потому что в данном случае мы имеем дело как с тождеством, так и, одновременно, с противоположностью этих двух «сестер» (двух сознаний), или, как сказал бы Ж. Деррида, мы мыслим их различие. Они друг в друге видят родственную душу,

В феноменологии исследуется одно сознание, которое есть для себя, с помощью другого сознания, нашего «для себя». В. Коротких в материале гегелевской феноменологии детализирует взаимодействие этих моментов так. «Следует точно различать сознание автора и читателя (я предлагаю обозначать его как „наше сознание“, у Гегеля границы его „речи“ маркируются обычно с помощью „wir“, „für uns“). Сознание как предмет наблюдения (предлагаю обозначать как „само сознание“, в тексте его „голос“ отделяется с помощью „es“, „ihm“) и его „предмет“... Гегелевский текст как бы „прошит“ этими местоимениями» [5]. Отсюда то и родится история романа феноменологии и идеологии, их «преступная» связь.

Преступник, жертва, детектив – суть фигуранты истории именуемой «криминальный роман». Может показаться, что использование этого понятия в качестве среднего термина между крайностями «феноменологии» и «идеологии» есть всего лишь литературный прием. Тем не менее, симптоматично, что: во-первых, все три «жанра» исторически появились почти одновременно³. Во-вторых, сам автор, говорящий о «прошитоности» моментами «для себя» и «для нас» классического феноменологического

³ по крайней мере – в одном столетии.

исследования, указывает на детектив [6, с. 360]. В-третьих, до В. Коротких и независимо от него, П. Слотердаик называет страсть к детективным историям «самой удивительной чертой нашей культурно-моральной ситуации» [7, с. 458].

И здесь же автор «Критики цинического разума» делает замечание, проясняющее смысл не столько криминального романа самого по себе, сколько финальную стадию взаимоотношения феноменологии и идеологии. «Хорошие детективные романы — все без исключения — осуществляют релятивизацию каждого отдельного преступления. Если сыщик — олицетворение Просвещения, то преступник должен быть, соответственно, олицетворением аморализма, а жертва — олицетворением морали. Однако эта схема регулярно не срабатывает В предельном случае на сцену выводится преступник, который, выступая как бы в роли спровоцированного просветителя, лишь справедливо наказывает жертву за ее собственную аморальность» [7].

Шиболет современной эпохи, если представить его в форме гегелевского горизонтального силлогизма имеет следующий характер: «идеология (преступник) – современное сознание (жертва) – феноменология (детектив)». Здесь сразу видно, что перенос ответственности произошел не в одну, а сразу в две стороны. Получили обвинения, как жертва, так и детектив. Все три современные политические идеологии (либерализма, национализма и коммунизма), *ускользают* от возмездия оригинальным способом. Они перекладывают отрицательный смысл своего имени на феноменологию (!), то есть на детектива, на того, кто вроде бы был назначен их разоблачать.

Средний термин здесь – современное сознание; края – идеология и феноменология. Но у немецкого философа прослеживается идея развития силлогизма посредством «перемещения» крайних терминов на место среднего. То есть, в том случае, если посередине разместиться феноменология, то она станет «сглаживать» антагонизм обыденного сознания и идеологии. Если же – идеология, то именно она станет обеспечивать контакт глубинных метафизических течений XX века с «революционными» умонастроениями, периодически взрывающими его историю.

«В традиции под рубрику идеологии стали попадать философские и метафизические системы как специфические онтологии, в качестве производных от различного рода структур. Обвинению в идеологичности подвергался и логический анализ (критика Гербертом Маркузе в „Одномерном человеке“ философии Л.Витгенштейна), несмотря на редукцию онтологических и гносеологических допущений в отношении субъективности и отсутствия этической проблематики. Если феноменологию Э.Гуссерля представители советского диалектического материализма представляли как разновидность субъективного идеализма, то философия М.Хайдеггера, в основном в экзистенциальном аспекте, понималась как вариант буржуазного мистицизма. Гений К.Маркса сыграл и с ним самим злую шутку: К.Р.Поппер помещает его философию наряду с философиями Г.В.Ф.Гегеля и Ф.Ницше как лжепророков „тоталитарных идеологий“» [8].

Додайте до списку використаних джерел:

Прівітче І.П. Назва роботи. La science et la technologie à l'ère de la société de l'information : dcol. de papiers scientifiques «АЛОГОС»

з avec des matériaux de la conf. scientifique et pratique internationale, Bordeaux, 3 mars, 2019. Bordeaux : OP «Plateforme scientifique européenne», 2019. V. 4. P. ...

Контент розповсюджується відповідно до ліцензії Creative Commons «Attribution». Копіювання та розповсюдження без зазначення авторства та первинної публікації в даному збірнику заборонено

Р. А. Юрьев, автор этого фрагмента, прав. Он, верно, констатирует факт «инфицированности» современных форм философии идеологией. Только он не видит причины этого явления и не учитывает тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с наивной или политической формами идеологии, а именно с последним, ее *циническим* вариантом. Вот почему в своей диссертации он начинает исследование с факта ложного сознания в редакции Маркса, тогда как «дело» началось в немецкой классической феноменологии.

Как могла произойти эта, как говорит П. Слотердаjk, «релятивизации» преступления, да еще и, как мы заметили выше, двойная, как в сторону жертвы, так и детектива? Для ответа на этот вопрос крайне важно выстроить логическое движение «лесенкой». Необходимо понять, как последовательно возникали друг из друга основные термины нашего умозаключения – главные фигуранты рассматриваемого «дела».

Исторически сначала заявила о себе сияющая славой немецкой философии *феноменология*. Здесь идеология разместилась внутри феноменологии в качестве наивного сознания. Затем – идеология, и позорное, начиная с Наполеона и Маркса, закрепление за нею титула «ложного, иллюзорного» сознания. Это – рождение идеологии как политической технологии, натворившей столько дел в предшествующем столетии. И только в конце выступает с моментом разоблачением самой себя (объявлением дефолта) ее циническая форма.

Главный вопрос, на который, прежде всего, следует найти ответ, сформулируем так: «Что в постановке задачи классической феноменологии было такого, что вызвало к жизни явление идеологии?». В связи с этим вопросом, исследователи уже обращали внимание на «странное» замечание Г-Х Гадамера о том, что начиная *только* с греков, человечество «заметило» *разность* между словом и вещью [9, с.7]. Сейчас мы отнесли это замечание в рубрику странностей, учитывая особый случай – открытие, на которое натолкнулась немецкая философия. Гегель во введении к своей Феноменологии, легко, как бы само собой разумеющееся, констатирует один важный факт. То же самое различие, которое сознание само по себе устанавливает по поводу вещи для себя, мы *вынуждены*, и нам никуда от этого не деться, установить в отношении к самому сознанию. Этого не избежать как раз в том, и только в том случае, когда мы делаем его предметом для себя (случай феноменологии).

Здесь то и появляется впервые понятие *ложного* сознания. Оно – это то, что есть сознание «для» феноменолога, в отличие от того, что нечто есть само по себе. Это – первый смысл идеологии. Здесь «вина» за эту «ложность» пока лежит на «für uns» (для нас). Но суть науки феноменологии заключается в выяснении того, что есть сознание на самом деле. Сознание феноменолога пытается избавиться от момента «видимости» сознания как предмета. Выясняя это, образуется понимание опыта сознания, когда, развываясь, сознание из одной своей формы переходит в другую. Только, вот беда, последующая форма **не знает** своего происхождения из предшествующей. Это знает **только** сознание феноменолога. То есть здесь

объективно, но не для самого сознания (*fur ihn*), а для нас, есть момент незнания, заблуждения.

Сознание обыденного человека, начавшейся европейской истории, в ежедневном опыте было погружено в конечное различие частных вещей. Различение как таковое было поручено философии. Историческая необходимость должна была рано или поздно привести ее к тому, что ответ на различие в природе вещей нужно искать в природе сознания. Именно это стало главной задачей Канта. Он даже к первой части своей философии хотел применить титул «феноменологии». Так один из центральных фигурантов нашего криминального романа получил не только собственное название, но и содержание.

Дальнейшее нетрудно было предсказать. К сожалению, изобретатель благозвучного слова «идеология» Дестют де Трасси даже не догадывался, что феноменология, чуть-чуть опережая продукт его творчества, вынуждена будет применить вышеозначенное различение к сознанию. Оказалось, что сознание в своем опыте, имея дело с «в себе и для себя» вещи, само попадает под опыт сознания феноменолога. А тому ничего не останется, кроме как выделить в нем (ведь именно оно есть теперь его предмет) истинное (сущность) сознания и отделить от него, что очень важно, сознание как видимость, то есть сознание не само по себе, а сознание для феноменолога. *Второе* – и есть та часть, которая получит с легкой руки К. Маркса название «иллюзорное, ложное сознание» идеологии.

Можно высказаться по поводу идеологии положительно в смысле: «совокупности упорядоченных взглядов, выражающих интересы ... и т.д.», можно – отрицательно: «ложное», «иллюзорное» сознание. Но более точное ее определение – это форма исторического бытия, когда одно сознание существует для другого сознания. И начинается идеология именно с того гегелевского замечания, что «за спиной» рассматриваемого в феноменологии сознания происходит нечто, что оно *не знает*⁴.

Бывает, исторические события рождаются по воле Бога, бывает – судьбы, «случается» – и по воле ничтожного случая. Но настоящим чудом является рождение события из духа философского произведения, сжатого в одну фразу. Мы подчеркиваем, что нижеследующее положение из гегелевской феноменологии, «застрявшее» в лучших головах мыслителей XIX века, вызвало во всемирной истории человечества, невиданный доселе феномен идеологии – шиболет нашего времени.

В этом знаменательном месте, а именно в конце введения в Феноменологию, Гегель говорит о развитии своего предмета. Здесь «выступает и новая форма существования сознания, для которой сущность есть нечто иное, чем для предшествующей формы. Это-то обстоятельство и направляет всю последовательность форм существования сознания в ее необходимости. Только сама эта необходимость или *возникновение* нового предмета, который предстает перед сознанием, не знаящим, как это

⁴ Здесь П. Рикер чистый гегельянец, предлагая тезис, что идеология «есть реальность, выявленная диагностически». Весь психоанализ имеет истоком эту же мысль.

происходит, есть то, что совершается для нас как бы за спиной сознания» [10, с. 53].

Для того чтобы было такое сознание, которое что-то знает, но не знает самого главного (существенного в нем самом, происходящего за его «спиной»), должно быть сознание, которое **это** (то, что не знает первое сознание) знает. Таким образом, для отношения этих двух сознаний должно состояться распределение ролей. Одному быть особенным, другому – всеобщим; одному судьба быть ограниченным, другому – безграничным. Это – феноменология сама по себе. Жижек С. прав, утверждая, что: «всякая идеология выступает каждый раз сразу же вместе со своей критикой» [11]. На «следовании» из одной формы в другую строится вся гегелевская песенка гештальтов сознания, самосознания и разума.

Понятно, что первое, обусловленное сознание идеолога (как манипулируемого, так и манипулятора) нуждается в безусловном сознании. В гегелевском варианте – отношения сознания для себя и сознания для нас. Естественно «для нас» («мы») выступает моментом, на который ложится вся тяжесть быть всеобщим. Для самого сознания, которое не знает, что происходит за его спиной, остается момент легкого безответственного бытия особенного. Здесь каждая форма сознания для нас поднимается по ступеням развития. Для себя же она совершенно *одинока*. Для него нет никакой другой формы, никакого *иного* сознания.

Список использованных источников:

1. Гегель Г. Лекции по истории философии. «Public Domain». С. 787.
2. Люкс А. Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма. Т. 1 2014., С.289.
3. Гегель Г. Философия религии в двух томах. М., Мысль. 1975. Т. 1-2. С. 231.
4. Воронин Н. Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968>. (дата обращения 12. 02. 2019).
5. Коротких В. И. Русские переводы «Феноменологии духа» и проблема передачи гегелевской мысли в современном философском языке. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_19825.html. (дата обращения 12. 02. 2019).
6. Коротких В.И. «Феноменология духа» и проблема структуры системы философии в творчестве Гегеля: Монография, 2011. 383.
7. Слотердайк, П. Критика цинического разума. М.: АСТ М, 2009. С. 800.
8. Юрьев Р. А. Проблема идеологии в контексте феноменологической традиции. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук Томск – 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/problema-ideologii-v-kontekste-fenomenologicheskoy-traditsii>. (дата обращения 12. 02. 2019).
9. Качуров Е.В. Тезис Парменида. *Гуманитарный часоспис*. 2009., №3. С. 7
10. Гегель Г. Феноменология духа. М.: Наука. 2000. С. 495.
11. Жижек С. Киногид извращенца: Идеология 2012, фильм первый.

Додайте до списку використаних джерел:

Прізвище І.П. Назва роботи. La science et la technologie à l'ère de la société de l'information : docl. de papiers scientifiques «АЛОГОС»

з avec des matériaux de la conf. scientifique et pratique internationale, Bordeaux, 3 mars, 2019. Bordeaux : OP «Plateforme scientifique européenne», 2019. V. 4. P. _ _ _ .
 Контент розповсюджується відповідно до ліцензії Creative Commons «Attribution». Копіювання та розповсюдження без зазначення авторства та первинної публікації в даному збірнику заборонено

ΛΌΓΟ

Σ

ART DE LA PENSÉE SCIENTIFIQUE

COLLECTION DE PAPIERS SCIENTIFIQUES

SUR LES MATÉRIAUX DE LA CONFÉRENCE SCIENTIFIQUE ET PRATIQUE INTERNATIONALE

LA SCIENCE ET LA TECHNOLOGIE À L'ÈRE DE LA SOCIÉTÉ DE L'INFORMATION

3 MARS 2019 • BORDEAUX, FRANCE

VOLUME 4

ISBN 978-617-7171-80-4

ГРОМАДСЬКА ОРГАНІЗАЦІЯ
«ЄВРОПЕЙСЬКА НАУКОВА ПЛАТФОРМА»
ОО «ЕВРОПЕЙСКАЯ НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА» • NGO «EUROPEAN SCIENTIFIC PLATFORM»

ΛΟΓΟΣ Σ

COLLECTION DE PAPIERS SCIENTIFIQUES

SUR LES MATÉRIAUX DE LA
CONFÉRENCE SCIENTIFIQUE ET PRATIQUE
INTERNATIONALE

**«LA SCIENCE ET LA TECHNOLOGIE
À L'ÈRE DE LA SOCIÉTÉ DE
L'INFORMATION»**

3 MARS 2019

VOLUME 4

Bordeaux • France

UDC 001(08)
L 10

L 10 **La science et la technologie à l'ère de la société de l'information**: coll. de papiers scientifiques «ΛΟΓΟΣ» avec des matériaux de la conf. scientifique et pratique internationale, Bordeaux, 3 mars, 2019. Bordeaux : OP «Plateforme scientifique européenne», 2019. V.4. p. 120.

ISBN 978-617-7171-80-4

Les résumés et articles des participants à la conférence scientifique et pratique internationale «La science et la technologie à l'ère de la société de l'information», qui s'est tenue à Bordeaux le 3 mars 2019, sont présentés.

La collection est consacrée aux étudiants, aux étudiants de troisième cycle, aux doctorants, aux candidats, aux jeunes professionnels, aux enseignants, aux chercheurs et autres personnes intéressées, ainsi qu'à un large éventail de lecteurs.

La description bibliographique des documents de la conférence est enregistrée dans le centre scientifique international «Google Scholar». La conférence est approuvée par ResearchBib.

UDC 001 (08)

© Équipe d'auteurs de la conférence, 2019
© Collection de papiers scientifiques «ΛΟΓΟΣ», 2019
© OP «Plateforme scientifique européenne», 2019
ISBN 978-617-7171-80-4

CONTENU

SECTION 7. SCIENCES HISTORIQUES

ATTITUDE DES ÉTUDIANTS ENVERS LA POLITIQUE SOVIÉTIQUE
(SUR L'EXEMPLE DE L'INSTITUT D'ÉDUCATION PUBLIQUE
KAMYANETS-PODILSKY)

Yablonska D. 6

GEORGI CHIBANOFF: EMIGRE, MEMBRE DE LA BRIGADE
INTERNATIONALE, PARTICIPANT AU MOUVEMENT DE LA
RESISTANCE EN FRANCE

Klimtchouk I., Filiniouk A. 12

MOBILIZATION TO THE UPR ARMY IN PODILLIA REGION IN JULY-
AUGUST OF THE YEAR 1919

Liaskovych R. 19

ДІЯЧІ ЛІТЕРАТУРИ ІСПАНІЇ ТА ПОРТУГАЛІЇ У БАГАТОГРАННІЙ
БОНІСТИЦІ

Кривцов А.О. 24

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА Т. МЕЛЕНЯ ЯК ДЖЕРЕЛО З
ДОСЛІДЖЕННЯ КУЛЬТУРНО-ОСВІТНЬОГО ЖИТТЯ ЛЬВОВА В
ЧАСИ РОСІЙСЬКОЇ ОКУПАЦІЇ 1914 РОКУ

Олійник С.В. 31

ЗНАЧЕННЯ ЄСР У РОЗБУДОВІ ВЛАСНОГО
ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОГО ВИМІРУ ЄВРОПЕЙСЬКОЇ
СПІЛЬНОТИ

Руда В.В. 33

ІВАН ОГІЄНКО І ПЕРЕБУДОВА ЦЕРКОВНОГО ЖИТТЯ В УНР
ВОСЕНИ 1919 РОКУ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПРЕСИ)

Марчук О.І. 36

НАСТРОЇ АМЕРИКАНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА У 1945 – 1960-Х
РОКАХ: СОЦІАЛЬНА НАПРУГА ЯК ПЕРЕДУМОВА
ФЕМІНІСТИЧНОГО РУХУ

Дутканич В.С. 43

ОПЕРАЦІЯ ОРГАНІВ ДПУ УСРР ІЗ ВИЛУЧЕННЯ У НАСЕЛЕННЯ
ЗОЛОТА І ВАЛЮТИ В ПАРАДИГМІ РАДЯНСЬКОЇ КАРАЛЬНОЇ
ПОЛІТИКИ ТА ПРАКТИКИ
Ляковська С.П. 49

ПРО ВСЕУКРАЇНСЬКУ НАУКОВУ КОНФЕРЕНЦІЮ «КОЧУБІЇВ-
ХАДЖИБЕЙ-ОДЕСА»
Яковлєв І.В. 55

ТАДЕУШ ЧАЦЬКИЙ В ІСТОРІЇ УКРАЇНИ
Галецька Я.С. 59

ЧЕСЬКІ СЕЛЯНСЬКІ ГРОМАДИ РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ У ВИРІ
СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ МІЖВОЄННОГО
ПЕРІОДУ
Чуян І.Л. 63

SECTION 8. SCIENCES POLITIQUES

ВЕДЕННЯ ІНФОРМАЦІЙНОЇ ВІЙНИ З МЕТОЮ
ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОГО ВПЛИВУ НА МІЖНАРОДНІЙ АРЕНІ
Псьота Т.В. 66

ІНТЕГРАЦІЙНІ ЗАСАДИ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ В
УКРАЇНІ
Руденко Ю.Ю. 68

ПОЛІТИЧНИЙ ІМІДЖ ДЕРЖАВИ НА ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНІЙ
АРЕНІ
Омельченко О.А. 74

SECTION 9. SCIENCES PHYSICO-MATHÉMATIQUES

COMPUTER MODELLING OF LASER MODULE OF AERODYNAMIC
OBJECTS STRUCTURE
Santoni V., Yanko V. 76

MULTIPARAMETER LASER MODULE FOR CONTINUOUS OBJECT
MONITORING
Budiianska L., Ivanchenko I. 80

МАТЕМАТИЧНІ АЛГОРИТМИ У ПРОГРАМУВАННІ Салюк В.О.	83
SECTION 10. SCIENCES PHILOSOPHIQUES	
«FAKE NEWS» В СОЦІАЛЬНОМУ ТА ПРАВОВОМУ КОНТЕКСТАХ Невельська-Гордєєва О.П.	86
ONCE AGAIN ABOUT THE WORLD VIEW Shengeriy L., Pavlovska T.	91
THE PROBLEM OF THE STUDY NON-WESTERN CULTURE'S OTHERNESS Bershadska I.	92
СИНГУЛЯРНІСТЬ БУТТЯ СУСПІЛЬСТВА ПОСТМОДЕРНУ Найчук А.В.	95
ТРИУМФ И ПАДЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ Качуров Е.В.	102
УНІВЕРСИТЕТ ЯК ФІЛОСОФСЬКО-СОЦІАЛЬНИЙ ФЕНОМЕН Ратушна А.М.	108
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК ИДЕОЛОГИИ Качурова С.В.	113

PUBLICATION SCIENTIFIQUE

ΛΟΓΟΣ

COLLECTION DE PAPIERS SCIENTIFIQUES

SUR LES MATÉRIAUX DE LA
CONFÉRENCE SCIENTIFIQUE ET PRATIQUE
INTERNATIONALE

**«LA SCIENCE ET LA TECHNOLOGIE
À L'ÈRE DE LA SOCIÉTÉ DE L'INFORMATION»**

3 mars 2019 • Bordeaux, France

VOLUME 4

Ukrainien, russe, anglais et français

*Les matériaux sont imprimés dans le texte de l'auteur
Le comité organisateur ne partage pas toujours la position des auteurs
Pour l'exactitude de ce matériel, les auteurs portent la responsabilité*

Signé pour impression le 03.03.2019. Format 60×84/16.

Papier offset. Arial type. Impression numérique.

Feuilles imprimées conditionnées 6,98.

Imprimé à partir de la mise en page originale finie.

Coordonnées du comité d'organisation:

21037, Ukraine, Vinnytsia, st. Zodchih, 18, bureau 81

OP «Plateforme scientifique européenne»

Téléphones: +38 098 1948380; +38 098 1956755

E-mail: info@ukrlogos.in.ua

www.ukrlogos.in.ua

Editeur de matériel imprimé: Imprimerie L'entrepreneur individuel Gulyaev V.M.
08700, Ukraine, ville d'Oboukhiv, mkr. Sosnovyi 2, bureau 2. E-mail: info@drukaryk.com
Certificat du sujet de l'édition: ДК № 3909 du 02.11.2010 p.